

Глава 29

В комнате на миг воцарилась тяжёлая тишина. Голос Чэн Яня вновь донёлся из-за двери:

— Чу Ван, я захожу? Хм? Заперто?

Мэн Чэньхуэй прижал юношу к дверному полотну, удерживая его в ловушке. Стиснув зубы, он прошипел едва слышно:

— Только попробуй открыть. Не боишься, что он увидит нас в таком виде и всё поймёт превратно?

Рука Чу Вана, замершая на засове, дрогнула, но уже мгновение спустя он с негодованием выпалил:

— Мы с тобой чисты друг перед другом, с чего бы мне бояться!

Мэн Чэньхуэй больно ущипнул его за подбородок, заставляя смотреть прямо в глаза. Взгляд противника был тёмным и полон мрачной решимости.

— Осмелишься повторить это мне в лицо?

— Почему бы и нет!

Закусив губу, Чу Ван попытался оттолкнуть обидчика, но тот лишь крепче перехватил его руки. Где-то за дверью послышался странный шорох, но маленький цзюньван не мог отвлечься ни на секунду — всё его внимание было поглощено борьбой.

От гнева щёки юноши пылали, тонкие брови сошлись у переносицы. В ярости его обычно холодное лицо обрело живые, почти пленительные краски.

Внутри комнаты шла безмолвная схватка, в то время как снаружи раздавались странные звуки.

Чу Ван резко извернулся, пытаясь отодвинуть засов, и закричал:

— Чэн Янь! Я здесь!

Ярость окончательно ослепила Мэн Чэньхуэя. Схватив соученика за плечи, он с силой прижал его к двери. В глазах Мэна вспыхнул опасный блеск.

— Ты и впрямь смеешь звать его?

Чу Ван отчаянно сопротивлялся, не давая противнику одержать верх. Взбешённый Мэн потянулся к его одежде, пытаясь разорвать ткань, а когда юноша на миг замешкался — заломил его запястья, впечатывая их в дерево.

— Ты мой, — проскрежетал он сквозь зубы. — С какой стати ты мне отказываешь?

Лопатки Чу Вана больно ударились о дверь. Подавив стон, он выдавил сквозь плотно сжатые челюсти:

— Убирайся!

Оскорблённый до глубины души, Мэн Чэньхуэй стал действовать ещё грубее. Несмотря на удары и пинки, он навалился всем телом, стараясь окончательно лишить жертву возможности двигаться.

Шум борьбы наверняка был слышен снаружи, однако там воцарилась странная тишина.

Мэн Чэньхуэй злорадно усмехнулся:

— Ждёшь, что твой Чэн Янь примчится на помощь? Боюсь, он уже ушёл.

Глаза Чу Вана покраснели. В его взгляде смешались ярость и беспомощность — он был похож на загнанного зверя, готового вот-вот разрыдаться от обиды.

Процедив сквозь зубы, Мэн Чэньхуэй добавил:

— Будь ты покорнее, я бы причинил тебе меньше боли.

«Щёлк!»

Дверное полотно едва заметно вздрогнуло.

— Прошу прощения... мне её толкать или тянуть на себя?

Чу Ван открыл рот, но не успел издать ни звука — дверь внезапно распахнулась наружу. Поскольку юноша всем весом наваливался на неё, он невольно качнулся назад и упал напрямиком в чьи-то крепкие объятия.

Мэн Чэньхуэй застыл. Он даже не успел среагировать, как вошедший уже крепко прижимал Чу Вана к себе.

Чэн Янь негромко пробормотал под нос:

— Этот засов вскрыть оказалось куда сложнее, чем обычный замок.

На мгновение время будто остановилось. Чу Ван первым пришёл в себя: в смятении он вырвался из объятий и отступил на пару шагов, тяжело и прерывисто дыша.

Господину Журавлю хватило одного взгляда на покрасневшееся лицо друга и на багровый след пощёчины на щеке Мэн Чэньхуэя, чтобы всё понять.

На губах Чэн Яня играла опасная усмешка. Опершись плечом о дверной косяк, он небрежно бросил:

— Руки чешутся, но бить тебя сейчас неохота. Провалишься сам или помочь?

Мэн Чэньхуэй вспыхнул от негодования:

— Ты вломился в чужую комнату и ещё смеешь гнать меня?!

Чэн Янь не остался в долгу:

— Ты измываешься над соучеником, и я застукал тебя на месте. Может, пойдём к учителю Даоцину, пусть он нас рассудит?

Он выдержал паузу и с издёвкой добавил:

— В худшем случае нам обоим впаяют по пятьдесят палок и не допустят до завтрашнего Юэши.

Собеседник осекся. Для кого-то другого запрет на участие в Юэши был бы пустяком, но для него это означало крах всего. Наставники в академии разбирались с подобными дрызгами просто: наказывали всех причастных, не особо вникая, кто прав, а кто виноват. Слова Чэн Яня не были пустой угрозой.

Тому, кто привык бездельничать, терять было нечего, но Мэн Чэньхуэй не мог себе такого позволить.

Глубоко вздохнув, он одарил обоих яростным взглядом и направился к выходу. Проходя мимо Чу Вана, он прошипел в самое ухо:

— Дрянь паршивая, только и умеешь, что из себя святошу строить!

— Ах ты пёс!

Прежде чем юноша успел осознать смысл оскорбления, Чэн Янь сорвался с места. Его кулак с размаху врезался Мэн Чэньхуэю в другую, нетронутую щеку. Тот, не ожидая удара, покачнулся и едва удержался на ногах, ухватившись за косяк.

Ошеломлённый, он поднял взгляд на обидчика. Вид у него был комичный: на правой щеке пламенел след ладони, а левая на глазах опухала так, что глаз едва открывался. Синяки расположились почти симметрично.

Ярость в душе Чэн Яня на миг уступила место веселью, и он не сдержал короткого смешка.

— Ну же, давай подеремся, — вызывающе вскинул подбородок он. — В худшем случае нас обоих вышвырнут из академии за дебош.

Мэн Чэньхуэй задыхался от бешенства, его грудь ходила ходуном, но он не нашёл, что ответить.

Чу Ван поспешно схватил друга за руку и прошептал:

— Не надо, не ввязывайся в драку.

Чэн Янь вновь повернулся к противнику:

— Раз не хочешь — проваливай поскорее, пока над твоей рожей не начала потешаться вся округа.

С трудом сдерживая клокочущую обиду, Мэн Чэньхуэй прикрыл лицо рукой и поспешно скрылся.

Как только он ушёл, Чу Ван разжал пальцы и тихо спросил:

— Как ты здесь оказался?

Вместо ответа Чэн Янь подхватил его под локоть, подтянул единственный стул и усадил юношу.

— Я заходил в класс, тебя там не было, вот и решил заглянуть сюда. Не слушай, что несёт этот мерзавец. От него доброго слова не дождёшься.

Чу Ван покачал головой:

— Я и не слушаю.

На его лбу выступила холодная испарина. Чэн Янь достал платок, хотел было сам утереть ему лицо, но, побоявшись напугать, просто протянул его другу.

— Вот, утрись.

Чу Ван рассеянно принял подношение.

Видя, что юноша всё ещё пребывает в некотором оцепенении, Чэн Янь прикрыл дверь. Он заметил, что, пока он вскрывал засов, в коридоре ошивалось немало любопытных, хоть никто и не решился зайти. Теперь, когда Мэн Чэньхуэй в слезах выбежал наружу, все эти любители чужих секретов наверняка в деталях рассмотрели его физиономию.

Убедившись, что дверь закрыта, Чэн Янь огляделся. Стульев больше не было.

— Которая из кроватей твоя? — спросил он.

Чу Ван указал на постель у окна. Чэн Янь бесцеремонно уселся на край и лишь потом спросил:

— Ты ведь не против?

Маленький цзюньван на мгновение замер, а затем на его губах появилась слабая улыбка. Он покачал головой.

— Ну же, вытри пот, — подбодрил его Чэн Янь. — Да и одежда у тебя в беспорядке.

Только теперь юноша осознал, в каком виде предстал перед спасителем. Увидев растерзанный ворот, он густо покраснел и принялся судорожно приводить себя в порядок. Обычно Чэн Янь не упускал возможности подразнить его, но сейчас он вёл себя на удивление тактично.

Когда Чу Ван закончил поправлять одежду, Чэн Янь спросил:

— Ты уже ужинал?

— Я... я обычно не ужинаю...

В академии была столовая, но плата за питание была непомерно высокой для бедных учеников.

Чэн Янь нахмурился, собираясь что-то сказать, но Чу Ван вдруг заговорил первым:

— Никак не возьму в толк... за что я вообще раньше ценил Мэн Чэньхуэя?

— Наверное, ты просто до поры не видел его истинного нутра.

Чу Ван покачал головой:

— Он всегда был таким. Самовлюблённым, упрямым и заносчивым. Стоило ему в чём-то убедиться, и никакие объяснения уже не имели значения.

Он сжимал в руках платок, а в его взгляде читалась растерянность. В тот миг, когда Мэн Чэньхуэй попытался взять его силой, пелена с глаз будто спала. Но, вспоминая прошлое, он осознал, что и раньше догадывался о дурном нраве приятеля. Пусть тот и старался на людях казаться благородным мужем, в тесном общении его истинная натура неизбежно проглядывала сквозь маску.

Раньше Чу Ван видел эти недостатки, но почему-то не мог заставить себя отвернуться. Стоило Мэну оказаться рядом, и мысли юноши путались, он будто подпадал под чужое влияние.

«Словно на меня навели морок», — подумал Чу Ван.

Сам не зная почему, он решился поделиться этими мыслями с Чэн Янем. Когда он упомянул об этом странном ощущении «очарованности», тот на миг задумался.

Но он быстро опомнился и с улыбкой заметил:

— Когда сердце беспокойно, разум часто подводит. Оглядываясь назад, мы всегда удивляемся собственным глупостям. Не бери в голову.

Несмотря на внешнюю беззаботность, Чэн Янь всё же взял эти слова на заметку.

Чу Ван кивнул:

— Теперь мне даже думать о нём противно. Он ворвался ко мне только ради того, чтобы осыпать упрёками...

Он закрыл глаза и глубоко вздохнул. Спустя долгое время он тихо добавил:

— Впрочем, это в прошлом.

— Не волнуйся, — поспешно заверил его Чэн Янь. — После Юэши я проучу этого подлеца так, что он надолго запомнит.

Чу Ван поднял взгляд, собираясь спросить: «Как ты, неисправимый повеса, собрался это сделать?» Однако в облике собеседника было нечто такое... он казался одновременно и бездельником, и человеком, способным на невозможное.

Чу Ван не стал спрашивать.

— Только не делай больше таких глупостей, как сегодня, — попросил он. — Говорят, его семья весьма влиятельна в округе Цанбэй. Не стоит навлекать на себя их гнев.

Чэн Янь лишь усмехнулся. Сменив тему, он внезапно спросил:

— Послушай, а когда именно ты почувствовал, что Мэн изменился? Или, вернее... когда морок спал?

Чу Ван замялся, бросив на Чэн Яня сложный взгляд. Молчание затянулось, и когда тот уже был готов замять вопрос, юноша медленно произнёс:

— Помнишь, тогда, у книжного павильона... ты предупредил меня насчёт него? Сначала я ужасно разозлился, но почему-то твои слова глубоко запали мне в душу. И я будто очнулся.

Чэн Янь весело рассмеялся:

— Выходит, ты мне по гроб жизни обязан!

Чу Ван лишь плотно сжал губы. Он машинально расправил платок, который всё это время комкал в руках. Увидев вышитый узор, он мгновенно залился краской:

— Этот платок... твой?

Чэн Янь порой прибегал в академию напрямик из города и всегда держал в рукаве пару платков. Чэн Янь не понял причины смущения — он взял этот предмет утром, не глядя.

— А чей же ещё? — кивнул он.

Чу Ван то бледнел, то краснел, не зная, что сказать. Друг протянул руку:

— Да что с ним не так? Дай взглянуть.

Но юноша лишь крепче сжал ткань.

— Я постираю его и верну, — отрезал он.

Чэн Янь махнул рукой, решив, что платок просто понравился другу:

— Да брось, если он тебе по душе — оставь себе.

При этих словах в глазах Чу Вана вспыхнул гнев.

— Платок, подаренный девушкой... — возмущённо начал он, — неважно, принимаешь ты её чувства или нет, нельзя так разбрасываться подобными вещами!

— С чего бы это «разбрасываться»... — пробормотал Чэн Янь и вдруг осёкся. — Постой! Какой ещё девушкой? Что за небылицы!

С тех пор как он оказался в этом мире, единственной женщиной, с которой он обмолвился парой слов, была наложница Хуа!

Чу Ван не знал, что его злит больше, и в упор уставился на собеседника.

— Ты! Ты неисправимый бабник!

— Послушай, дай мне хоть умереть, зная за что! Я взял этот платок первым попавшимся, никакая девица мне его не дарила.

Юноша вспыхнул ещё сильнее и, развернув ткань, ткнул узором прямо Чэн Яню в лицо.

— И ты посмеешь утверждать, что это не подарок какой-нибудь красавицы?

На ткани были искусно вышиты птицы-неразлучницы и переплетённые ветви. Чэн Янь опешил, но тут же сообразил:

— Ох, я наверняка перепутал! Это платок моего слуги! Мои-то вещи все простые, без этих... двусмысленных картинок!

Чу Ван рассердился ещё пуще:

— И теперь ты прикрываешься слугой...

В полном смятении он буквально швырнул платок обратно. Видя, что юноша всерьёз обиделся, Чэн Янь поспешно добавил:

— Наверное, слуга купил его, не глядя на узор. Честное слово, я не знаком ни с какими барышнями, ты всё не так понял!

Чу Ван с подозрением посмотрел на него и вдруг обронил:

— Кто знает... может, это подарок какой-нибудь девицы из Цинлоу.

Чэн Янь застыл. Быстро перебрав в памяти похождения прежнего владельца тела, он понял: а ведь и впрямь не исключено. Заметив его замешательство, Чу Ван утвердился в своих подозрениях. На душе у него стало тоскливо и горько.

— Уходи, — сухо бросил он. — Я хочу побыть один.

— Я уже сто лет не был в тех заведениях! И с девицами никакими не знаюсь. У меня дел по горло: то уроки, то лавка... когда мне о бабах думать?

Взгляд Чэн Яня был чист и искренен. Чу Ван не хотел слушать оправдания не потому, что сомневался в них, а потому, что каждое слово почему-то отзывалось в сердце необъяснимой тревогой.

Чэн Янь же решил, что ему всё ещё не верят. Проклиная дурную славу прежнего владельца тела, он внезапно схватил Чу Вана за руку.

— Ты! — вскрикнул юноша, но руки не отнял.

Странно... Мгновение назад прикосновение Мэн Чэньхуэя вызывало лишь омерзение, но теперь сердце Чу Вана вдруг пустилось вскачь. Он не мог поверить, что чувствует... такое.

Чэн Янь подался вперёд, сжимая холодную ладонь в своей руке. Не замечая перемены в лице соученика, он прошептал:

— Открою тебе одну тайну, только уговор — никому ни слова. На самом деле я... бессилён как мужчина. Так что с девицами из Цинлоу меня ничего не связывает!

Чу Ван остолбенел. Чэн Янь, боясь, что ему не поверят, добавил:

— Могу доказать, если хочешь!

«...»

«И как же ты собрался это доказывать?!» — пронеслось в голове Чу Вана.

Сложное выражение промелькнуло на его лице. Он осторожно высвободил руку. Перед ним стоял крепкий молодой человек, вовсе не похожий на чахлого больного. Он... он ведь видел его мускулы! Наверняка этот бесстыдник просто шутит. Но какой мужчина станет так шутить над собой?

Чэн Янь вновь потянулся к его руке. Глядя на него преданными глазами, он жалобно протянул:

— Ты ведь не станешь презирать меня из-за этого?

— И в мыслях не было, — сухо ответил юноша. — Только не вздумай болтать об этом на каждом углу.

Чэн Янь широко улыбнулся:

— Я и не болтаю. Но ты — не «каждый встречный».

От этих слов по душе Чу Вана прошла странная дрожь.

— Время ужина уже прошло...

Чэн Янь тут же вскочил на ноги:

— Точно! Ты натерпелся страху, тебе нужно съесть чего-нибудь горячего. Сбегаю в столовую. Жди меня!

С этими словами он вихрем вылетел за дверь.

О том, какие бури бушуют в душе Чу Вана, Чэн Янь и не догадывался. Он примчался в столовую и юркнул через чёрный ход напрямик на кухню. Как говорится, благородный муж держится подальше от кухни. Повара, убиравшие помещение, сразу заметили гостя. Дородный мужчина с комичным поклоном поприветствовал его:

— Почтенный господин, какими судьбами?

— Хочу арендовать очаг, — заявил Чэн Янь.

Повар застыл с открытым ртом. Видано ли дело — чтобы книжный червь требовал пустить его к плите?! Поняв, что гость настроен серьёзно, повар поспешно предложил приготовить всё сам, но Чэн Янь отказался:

— Я приготовлю сам. За продукты и за использование очага я щедро заплачу.

Стоило Чэн Яню взяться за нож, как все сомнения отпали: его движения были точными и уверенными. Он решил сварить крепкий бульон. У Чу Вана вечно мёрзли руки — горячий суп был именно тем, что нужно.

Когда бульон закипел, Чэн Янь обратился к старшему повару:

— Присмотрите за горшком. Через полчаса снимите с огня, я скоро вернусь.

Он покинул кухню, но едва вышел за порог, как наткнулся на Чэн Цзиня. Тот стоял под деревом и явно поджидал брата.

— Брат, что ты забыл в таком непотребном месте? — поморщился Цзинь.

— Чем тебе кухня не угодила? Человек жив едой. Зачем пришёл? Неужто решил поднять ставку?

— Ты и впрямь хочешь проиграть ещё больше? Оставь. Боюсь, у тебя и на пятьсот-то лянов в карманах не наберётся.

— Удивительно, но я испытываю те же опасения на твой счёт.

— Ты! — Цзинь вспыхнул.

Чэн Цзинь всегда презирал старшего брата. Мать учила его быть полной противоположностью: пока тот сорил деньгами, Цзинь старался казаться бережливым. Он знал: проиграйся Чэн Янь — отец всё покроет. Но ему на такое рассчитывать не приходилось. Сейчас он лишь мечтал расплатиться с долгами.

— Так зачем ты меня искал? — прервал его раздумья Чэн Янь.

— Ты ведь уже начал помогать отцу в делах? Какие именно дела он тебе доверил?

— Закупки и снабжение. Интересуешься?

— И не думал тягаться с тобой в этом. Не ожидал, что отец так скоро допустит тебя к семейному делу.

Чэн Янь лишь беззаботно пожал плечами:

— В науках я не силён. Ладно, мне пора.

Но младший брат вновь преградил ему путь.

— Постой! Подожди ещё немного!

Чэн Янь нахмурился, почувствовав неладное.

— Если есть дело — говори по дороге.

— Нет! — почти выкрикнул Цзинь.

— Неужто тебе так понравился запах кухни? — усмехнулся Чэн Янь. — Ну же, выкладывай, чего тебе надобно?

Цзинь замялся и наконец выдал:

— Прости меня, брат. Я... я просто выполняю просьбу...

Не дослушав, Чэн Янь с силой оттолкнул его и бросился прочь. Цзинь проводил его злобным взглядом.

«Мэн Чэньхуэй просил задержать его ненадолго. Что ж, задача выполнена».

Чэн Янь ворвался в комнату Чу Вана, но юноши там не оказалось. Сосед по комнате удивлённо поднял голову:

— Чэн Чанцин? Что ты здесь делаешь?

— Где Чу Ван?!

— Он ушёл искать тебя. Пришёл один из учеников и сказал, что ты ждёшь Цзыгуаня у Битаня. Разве вы не встретились?

— Я и не думал идти к пруду! — выпалил Чэн Янь. Лицо его побледнело. — Беда!

Он вихрем выскочил из комнаты. Сосед, осознав неладное, бросился следом.

Чэн Янь бежал к пруду Битань. Ночной лес был полон теней. Когда он наконец увидел воду, дыхание стало тяжёлым. Он метался вдоль берега, выкрикивая имя юноши.

Луна светила слабо. Чэн Янь уже собирался повернуть обратно, как вдруг увидел знакомый силуэт. Человек в ученических одеждах стоял у самой кромки воды. Радость захлестнула Чэн Яня, но внезапно он замер.

Всё произошло словно в замедленной съёмке: из тени деревьев позади Чу Вана бесшумно выступила фигура. Прежде чем юноша успел обернуться, незнакомец с силой толкнул его в спину.

Всплеск воды разорвал ночную тишину.

— ЧУ ВАН!!!

Сердце Чэн Яня будто провалилось в бездну. Незнакомец скрылся в лесу, но ему было не до него. Взгляд был прикован к расходящимся кругам.

Три... два... один.

Не раздумывая больше ни секунды, Чэн Янь с разбегу бросился в холодную глубину Битаня.

<http://bllate.org/book/15870/1442521>